

УДК 271.2-247-726.2:271.224(520)

ПРАВОСЛАВИЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ

Ю.А. ЯРОЦКАЯ

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)

Рассматриваются аспекты деятельности православной миссии на рубеже XIX – XX веков под руководством архиепископа Николая Японского, который считается одним из первых русских японоведов, чьи научно-просветительские труды выходят далеко за рамки церковной деятельности, охватывают в целом укоренение духовных православных традиций в культуре Японии. Доказывается, что архиепископ Николай Японский показал выдающийся пример успешной миссионерской деятельности в среде, враждебной христианству, прожив в Японии длительное время, он не только основательно изучил культуру, историю, религию, обычаи этой страны, но и стал неотъемлемой частью ее духовного культурно-исторического наследия. Обосновано значимое влияние, которое православие оказало на религиозную культуру в ходе своего становления на японских островах. Внимание автора акцентировано на исследовании особенностей перевода Евангелия на японский язык, а также миссионерская деятельность по строительству кафедрального собора в Токио.

Введение. Впервые христианство пришло на японские острова в 1549 году. Многие из католических миссионеров, выполняя свою миссию «христианизации варварской страны» способствовали обмену культурной информацией между двумя цивилизациями. Японская христианская миссия просуществовала до 1614 года, когда японское правительство запретило религиозную деятельность европейцев на территории Японии, издало первые указы о закрытии страны. Доведенные до крайности непосильными налогами, христиане острова Кюсю, возглавляемые ронином (самурай, лишившийся своего господина), в 1637 году подняли бунт, известный как Симабарское восстание. Вскоре после подавления восстания была введена система обязательной ежегодной регистрации всех японцев в буддийских приходах (так называемых «домашних храмах»), которая гарантировала непринадлежность их членов христианской церкви [11, с. 15]. Со времени Симабарского восстания христианская религия начала ассоциироваться с политическим сопротивлением властям и должна была быть запрещена. Последние запретительные эдикты японских правителей против христианства содержали такие выражения: «Пока солнце восходит с Востока, христианский проповедник не явится более в стране»; «хоть бы сам Бог христианский пришел в Японию, – и ему голова долой» [16, с. 138].

Цель данной работы – исследование особенностей деятельности православной миссии в Японии. Основная задача – рассмотреть два главных аспекта деятельности Японской православной церкви: православный перевод Евангелия на японский язык и строительство кафедрального собора в Токио, который является сегодня национальным сокровищем Японии. Главным источником исследования истории становления православия в Японии являются записи в дневниках архиепископа Николая, в данном исследовании мы ссылаемся непосредственно на них.

Основная часть. История русской миссии в Японии начинается с прибытия в город Хакодате в 1861 году в качестве настоятеля храма при русском консульстве архиепископа Николая Касаткина. Православие в Японии стало популярным (к 1912 г. в Японии насчитывалось 30 тысяч православных христиан более чем в 200 приходах), оказало существенное влияние на религиозную культуру японцев. Русские путешественники XX века не раз отмечали, что имя «Николай» в Японии стало нарицательным. Православный храм назывался «Николай», место Русской духовной миссии – «Николай», само православие также именовалось «Николай». 24 марта 1906 года Святейший Синод возвёл Николая Касаткина в сан архиепископа Николая Японского.

Архиепископ Николай, приехав в Японию, изучил японский язык. О трудностях при изучении японского языка он писал в своем дневнике: «Много было потрачено времени и труда, пока я смог присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один» [10, с. 7]. В 1907 году архиепископ Николай в Токио перед собранием тысячи слушателей произнес двухчасовую речь, которая несколько раз прерывалась рукоплесканиями, когда епископ пользовался примерами и сравнениями, с точки зрения японцев, неизвестными европейцу. Японская печать отмечала, что архиепископ Николай знает Японию лучше самих японцев [14, с. 195].

По мнению архиепископа Николая, в переводческих трудах заключалась практически вся суть деятельности христианской миссии. По его словам, времена Франциска Ксавье (основатель католической миссии в Японии в XVI в.), бегавшего по улицам с колокольчиком и созывавшего слушателей, прошли. «В Японии же, – пишет архиепископ, – при любви населения к чтению и при развитии уважения к печат-

ному слову, верующим и оглашаемым, прежде всего, нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и красиво, и дешево изданную» [13, с. 36 – 37].

При переводе Священного Писания архиепископ Николай считал главным, чтобы не перевод опускался до уровня развития народа, но чтобы верующие возвышались до понимания евангельских текстов [13, с. 38]. Язык вульгарный в Евангелии был совершенно недопустим. На этот счет архиепископ пишет: «Если мне встречаются два совершенно тождественных иероглифа или выражения, и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдам предпочтение общераспространенному, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю ни малейших компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне и приходилось употребить и очень малоизвестный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания требует большего напряжения со стороны японцев. Но это в значительной мере объясняется новизной для них самого православия» [13, с. 38].

До православного перевода Евангелия в Японии уже существовали католические переводы Нового Завета на китайском языке, поэтому архиепископ Николай начал свой перевод с них. «Отыскивать китайские знаки для каждого русского слова – труд далеко еще не под силу мне, да и бесполезный, – а с китайского, дело, по-видимому, легкое: японец, хорошо понимающий китайскую книгу, переводит Евангелие на японский, причем почти каждое слово выражено не китайским знаком, но около него поставлено японское чтение, а затем все грамматические формы выражены также японскими фонетическими знаками. Мое дело было – с другим ученым японцем проверять и исправлять перевод. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь с китайским текстом, не дошел до окончательного разочарования в авторитетности его» [5, с. 127].

Первый перевод Евангелия на японский язык был осуществлен епископом Николаем и его помощником Павлом Накаи в 1889 году по китайскому тексту Нового Завета Американского Библейского Общества (1852 г.) и переводам Русской Духовной Миссии в Китае (1865 г.). Все имена собственные передавались японской азбукой согласно славянскому Евангелию, а не Вульгате (лат. *Vulgata*, т.е. народная, перевод Священного Писания на латинский язык, выполненный блаженным Иеронимом (ок. 345–420 гг.)), и Библии короля Иакова (перевод Библии на английский язык, выполненный под патронажем короля Англии Иакова I и выпущенный в 1611 г.), как в исходном американском переводе [6, с. 187]. Этот перевод 1889 года архиепископа Николая Японского и Павла Накаи был написан одними китайскими иероглифами в стиле камбун (так называемое «китайское письмо»), японский «извод» классического китайского письма с китайским порядком слов и знаками, позволяющими читать текст по-японски). Первый православный Новый Завет на японском языке был издан двумя книгами: большого формата – для богослужебного использования; малого формата – для чтения мирянами. Перевод не был совершенным. Невольно заимствовались богословские эквиваленты согласно интерпретации американских протестантов, а использование одних лишь китайских иероглифов делало текст непонятным на слух [4, с. 183 – 184]. Для восприятия смысла необходимо было визуально представлять написание самих иероглифов. Поэтому спустя шесть лет архиепископ Николай приступил к работе над собственным переводом Евангелия с греческого и церковно-славянского текстов Священного Писания.

Николай Японский считал, что Священное Писание должно быть переведено с полным сохранением стиля и смысла оригинала. Для этого необходимо было выбрать адекватную лексику и грамматику. Основная проблема заключалась в том, что в Японии многие крестьяне говорили на диалекте своих провинций. Поэтому архиепископ Николай выбрал язык бунго – официальный книжный и письменный язык знати и дворянства [3, с. 17]. Бунго сформировался во многом под воздействием китайской лексики и грамматики. Использование китайской лексики позволяло передавать достаточно сложные и содержательные тексты, а при чтении звучание иероглифов само адаптировалось к японской фонетике. Архиепископ Николай очень внимательно относился к выбору конкретных грамматических форм бунго, консультировался со многими специалистами, анализировал грамматику и тесты литературных памятников. Он отказался от простонародных глагольных форм прошедшего времени «орэри», «кэри» и «кэрува» (глагольные формы древнеяпонского языка (VII – XIII вв.)), долго анализировал необходимость повтора послелога «то» после последнего из перечисляемых существительных, употребление вопросительных частиц «ка» и «я» после формы на «си» и т.д. [3, с. 17].

Многие иероглифы японского языка использовались буддистами и синтоистами. Это придавало им определенный смысловой оттенок, несовместимый с православными текстами. Все термины, касающиеся буддийского абсолютного существа как безличного, нирваны, детерминистического определения человеческой воли, создавали особую проблему, так как совершенно расходились с православным представлением о личном Боге, рае, свободной воле человека [12, с. 16]. Таким образом, переводчикам приходилось изобретать совершенно новые слова, прибегать к редким чтениям иероглифов или использовать не столь распространенные их сочетания. В результате создавались новые лексические единицы.

В переводе Евангелия архиепископа Николая в одних случаях наблюдается замена слов и понятий на синонимичные. Например, «хлеб» в молитве «Отче наш» заменяется на «пищу» – «катэ» (иероглиф с корнем «рис»); «целовать дом» в напутствии посылаемым на проповедь Апостолам переводится как

«спрашивать о здоровье» («ан-о тоу»). В ряде случаев использовался буквальный перевод. Это касается прежде всего метафор, ставших устойчивыми выражениями – пословицами. Так, например, употребляется «метать бисер перед свиньями», а не аналогичное по смыслу японское выражение «бросать золотые монеты кошке» [7, с. 135 – 136]. Интересен перевод понятия «Бог-Слово» термином «котоба», которому предали православный смысл. В протестантских и католических текстах в качестве перевода «Бог-Слово» использовался китайский термин «Дао», или «Мити» («путь, дорога»), что вызвало буддийские или синтоистские мистические ассоциации, не свойственные христианству [7, с. 136 – 137].

Самым значимым лексическим нововведением архиепископа Николая стало создание нового иероглифа для слова «Дух». Иероглиф «ками» («бог, дух») обозначал синтоистские божества. Архиепископ использовал тот же иероглиф, но приставил к нему «син», так что теперь иероглиф обозначал понятие «Дух». В дневнике описан процесс формирования данного термина: «Дошли до слова “дух”, труднейшее из слов во всем Новом Завете, и не знаешь, что делать; употребить ли старое, давно вышедшее из употребления начертание “син”, которого не найти ни в каких лексиконах... но это значило бы посадить мумию среди живых; сочинить ли новый иероглиф... если первое не будет принято, но это значило бы посадить самодельную куклу среди живых. Кажется, самое лучшее – употребить тоже “син”, но с кружком, который бы обозначал, что разумеется “дух” (син), а не Бог (ками)» [5, с. 131]. Интересен так же перевод на японский язык отдельных слов: «книжник» был переведен как «законник» или «учитель, ученый»; «язычник» – «беззаконный». Вместо «йота» используется японское слово, связанное с традиционной каллиграфией, которое можно перевести как «черта, пункт, штрих» [5, с. 131].

Результатом трудов по переводу архиепископа Николая был особый, выработанный им на японском языке богословский православный словарь. Термины архиепископа Николая были точным переводом славянских и греческих слов. Лично знавший архиепископа востоковед Д. Позднеев приводит текст письма к американскому миссионеру Джеффрису, в котором протестантский епископ в Киото просит прислать ему партию книг, переведенных архиепископом Николаем и среди них перевод Евангелия в 50 экземплярах. «Чтобы не говорили о переводах архиепископа Николая, – пишет миссионер, – но не может подлежать никакому сомнению, что его перевод книги Деяний Апостольских и Евангелия от Иоанна незримо выше всех существующих» [12, с. 17]. Сейчас Японская православная церковь пользуется переводом Нового Завета 1901 года, осуществленным архиепископом Николаем и Павлом Накаи. Эта книга написана вертикальным японским письмом, содержит свыше восьмисот страниц. Чтения иероглифов подписаны *катаканой* – наиболее употребительной в то время японской азбукой для обозначения фонетических звучаний. Существует и другое издание этого же текста, где чтения надписаны знаками другой японской азбуки – хираганы [3, с. 18].

Вторым значимым этапом становления православия в Японии является строительство кафедрального собора Воскресения Христова в Токио. Постройка была начата в 1884 году, продолжалась в течение 7 лет. Вследствие частых землетрясений и пожаров в Токио строительство собора было обременено трудностями. Торжество освящения храма состоялось 2 марта 1891 года [9, с. 205 – 206]. Сейчас собор известен как «Николай-до» (буквально: «Храм Николая»). Изначально это было величественное здание в русско-византийском стиле, расположенное на высоком холме Суруга-дай. Здесь во времена Средневековья возвышалась пожарная каланча, которая одновременно служила маяком для входивших в порт Эдо судов. Место было исключительно эффектным, соответствовало традициям древнерусского зодчества: храм на Руси обычно располагался на возвышенности, являясь архитектурной доминантой. Известно, что на Дальнем Востоке не было собора, равного по великолепию и масштабам Воскресенскому [8, с. 28].

Этот собор был построен англичанином Джошуа Кондором (в 1878 – 1907 гг. он построил более 50 зданий в Токио) по чертежам русского архитектора Михаила Арефьевича Щурупова. Купол собора был выложен медными листами, которые со временем, окислившись, потеряли первоначальный блеск и приобрели зеленоватый оттенок [1, с. 8]. Храм поражал грандиозностью: его купол вознесся над землей на 35 м, колокольня на 5 м выше. К событию открытия собора был приурочен визит в Японию наследника российского престола цесаревича Николая. Но в Токио он так и не появился. В городе Оцу на цесаревича напал фанатик-полицейский Цуда Сандзо, считавший, что русские имеют агрессивные замыслы в отношении Японии [8, с. 29]. В день освящения собора архиепископ Николай писал в своем дневнике: «Пел хор в 150 человек от семинаристов и учениц женской школы, и так хорошо, что на другой день несколько японских газет отметило это пение. Большое впечатление и на христиан, и на японцев-зрителей произвел крестный ход, который обыкновенно совершается при освящении храма. Многотысячная толпа народа в молчании смотрела на это торжественное шествие; многие из неверующих японцев даже обнажали головы» [2, с. 188].

Особую ценность собора составляли знаменитые иконы «Вознесение Господне» и «Воскресение Христово», написанные первой женщиной-иконописцем Ямаситой Рин. Почти все её иконы – это копии, сделанные с широко распространенных в Японии литографических рисунков. Христианским образам Иисуса Христа, Богородицы, архангелов Гавриила и Михаила, иконописец Рин придала японские черты. Для большинства японцев такие художественные образы были ближе и облегчали понимание Библии. Это также отвечало замыслам архиепископа Николая, который мечтал, чтобы у православных японских

христиан кроме храма появилась и своя икона, которая стала бы им понятной и почитаемой [15, с. 6]. Первого сентября 1923 года великое землетрясение Канто разрушило почти весь Токио. Колокольня рухнула и пробила купол, а пожар, сопровождавший землетрясение, полностью уничтожил внутреннюю часть собора «Николай-до». За 6 лет православным Японии удалось воссоздать собор, но его облик несколько изменился. В результате работ по укреплению собора японского архитектора Окада Синтиро купол стал немного выше первоначального, а колокольня – на 5 м ниже. Во время бомбардировок Токио в 1945 году собор выкрасили в черный цвет, что помогло избежать последствий воздушных налетов [11, с. 50]. В 1962 году Воскресенский собор «Николай-до» был признан национальным сокровищем Японии.

Заключение. Христианские нравственные начала, проповедуемые православными миссионерами в Японии, оказали влияние на духовную культуру и были востребованы японским народом, дали ему опору, которую японцы искали в своих традиционных религиях: синтоизме, конфуцианстве и буддизме. Такими духовными принципами стали равенство мужчины и женщины, целомудрие, милосердие, отрицание рабства, отказ от ритуального убийства, доктрина греха и его искупления и другие. Таким образом, деятельность русской православной миссии сыграла свою особую роль в развитии духовной и художественной культуры Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. М. Под сенью византийского купола / М. А. // Япония сегодня. – 1999. – № 7. – С. 8.
2. Бесстремьянная, Г.Е. Кафедральные соборы Японии / Г.Е. Бесстремьянная // Церковь и время. – 2006. – № 3(36). – С. 175 – 204.
3. Бесстремьянная, Г.Е. Переводы христианских текстов на японский язык / Г.Е. Бесстремьянная // Религиоведение. – 2008. – № 3. – С. 12 – 28.
4. Бесстремьянная, Г.Е. Православное слово в Японии / Г.Е. Бесстремьянная // Церковь и время. – № 1 (34). – 2006. – С. 152 – 238.
5. Бесстремьянная, Г.Е. Православный перевод священного писания на японский язык / Г.Е. Бесстремьянная // Церковь и время. – 2005. – № 2(31). – С. 121 – 146.
6. Бесстремьянная, Г.Е. Христианство и Библия в Японии / Г.Е. Бесстремьянная. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2006. – 318 с.
7. Бесстремьянная, Г.Е. Христианство и переводы Библии в Японии / Г.Е. Бесстремьянная // Альфа и Омега. – 2006. – № 2(46). – С. 134 – 165.
8. Боголюбов, А. Храм Воскресения Христова в Токио / А. Боголюбов // Три искусства. – 2001. – № 2. – С. 28 – 29.
9. Ермакова, Л.М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое / Л.М. Ермакова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 269 с.
10. Накамура Кэнносукэ. Св. Николай – один из первых японистов России / Кэнносукэ Накамура // Япония сегодня. – 2004. – № 11. – С. 6 – 8.
11. Николай-до: Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников / сост., расшифровка текста и коммент.: А. Чех. – СПб.: Библиополис, 2001. – 220 с.
12. Позднеев, Д.М. Архиепископ Николай Японский / Д.М. Позднеев. – СПб.: Синодальная тип., 1912. – 54 с.
13. Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание, дневники 1870 – 1911 гг. – СПб.: Библиополис, 2007. – 760 с.
14. Сергей (Страгородский), архим. По Японии (записки миссионера) / С. Страгородский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998. – 229 с.
15. Томокадзу, О. Христос на японских островах / О. Томокадзу // Приморский благовест. – № 5(194). – 2012. – С. 6.
16. «Я здесь совершенно один русский...» / публ. послесл. Письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии. – СПб.: Издат. дом “Коло”, 2002. – 270 с.

Поступила 15.09.2013

THE INFLUENCE OF ORTHODOXY ON RELIGIOUS CULTURE OF JAPAN

Y. YAROTSKAYA

The main features of activity of Orthodox mission under the direction of the archbishop Nicolai of Japan is studied in the article. Archbishop Nicolai of Japan showed an example of successful missionary activity in the environment of hostile to Christianity. The author emphasizes the influence which Orthodoxy rendered on religious culture during the development on Japanese islands. The main features of the translation of the Gospel on Japanese and the building of the cathedral in Tokyo are interesting especially.